

МАРК ПЕРОВСКИЙ

ВЧЕРА Я УБИЛ СВОЮ МАТЬ

Марк Перовский

Вчера я убил свою мать

«Издательские решения»

Перовский М.

Вчера я убил свою мать / М. Перовский — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-909240-3

Страдания никогда не заканчиваются. Боль никогда не утихает навсегда. Счастье не длится вечно. А смерть неотвратима. И только сам человек решает, кому жить, кому умереть, а кто будет вечно рабом. Но хватит ли смелости у других освободиться от этих оков?

ISBN 978-5-44-909240-3

© Перовский М.
© Издательские решения

Содержание

Пролог	6
Если я не умру сегодня	8
Часть I	9
Часть II	12
Горящие корабли	15
Часть III	16
Дом, где мы не живы	19
Часть IV	20
Меня похоронят заживо	23
Часть V	24
Ржавые цепи	27
Часть VI	28
Книги и письма о любви	31
Часть VII	32
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Вчера я убил свою мать

Марк Перовский

Смертью никогда ничего не решается. Это всего лишь самый короткий путь в ад.

© Марк Перовский, 2018

ISBN 978-5-4490-9240-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

Она смотрела на меня с ужасом. Впервые в жизни блестел сквозь её гнев обыкновенный человеческий страх смерти, грозно холодящий душу, когда ты смотришь в лицо тому, кто может отнять твою жизнь. Руки дрожали, глаза бешено метались из стороны в сторону, подол её платья измялся и измазался в грязи, на рукаве тонкого кардигана – дыра от последнего падения.

Её лицо источало лишь страх, смешанный с ненавистью и к себе, и ко мне. Она всё прекрасно понимала, каждую мою фразу, каждую мысль в голове, что я следом озвучивал, каждое движение – всё это имело свои мотивы и последствия. Она прекрасно осведомлена, кто начал всю эту бессмысленную, жестокую войну, но, наверное, и подумать не могла, что все помой, что она выливалась на меня, в один миг обрушатся на неё. Теперь ей приходилось расплачиваться за всё то, что она сделала со мной.

– Что ж ты делаешь, ублюдок малолетний! – шипела она, пытаясь воззвать то ли к первобытному страху старших, то ли просто оттягивая время. Пыталась отползти от меня, но на заднем дворе всегда было сыро, отчего грязь была там постоянным гостем. Даже в морозы она плохо застывала, и двор превращался из болота в застывшее хрупкое озеро, звонко трещащее по ночам от леденящего душу ветра.

Я помнил, как она заставляла меня и моих братьев копать на этом самом дворе, убирать всё это месиво, в котором теперь она тонула сама, даже не подозревая, что это место станет её могилой. Целые дни напролёт, от лета до лета мы сидели скорчившись над смердящей жижей, пытаясь хоть как-то справиться с этим грязевым наводнением. Руки мои вечно были в мозолях и занозах от вечного держания лопаты в руках, иногда они даже кровоточили и приходилось обматывать раны старой тканью, оборванной со старых, никому не нужных вещей. А потом вновь идти на задний двор – разгрести грязь и мусор.

И теперь вот как всё обернулось. Она лежала в своём же дерьме, изуродованная, обглоданная последними неделями жизни, с вечной кровью на лице и руках, с ужасом в глазах и проклятиями на губах.

– Я тебя вырастила, а ты! А ты вот как со мной! – кричала она в беспамятстве. Рука непроизвольно дёрнулась заткнуть ей рот чем-нибудь, но потом вспомнил, что никого, кроме нас двоих на этой ферме быть не могло – все разошлись. Кто навсегда, а кто лишь временно покинул наше пристанище.

– Ты меня вырастила? – издевательски спросил я. – Постоянными побоями и работой в этой помойке? Этим ты меня вырастила? Не забывай, что всё, что сейчас происходит – твоих рук дело, и никто в этом мире не виноват, кроме тебя. Все вокруг говорили, какая ты тварь, что ты недостойна жить на этой земле и поступать с нами так, как тебе захочется.

– Я пыталась сделать из вас людей, паршивец!

– Паршивец, – процедил я, повертев слово на кончике языка. На мгновение отвернулся от её измождённого, резко постаревшего тела и передо мной открылся прекрасный, но не менее удручающий вид наших полей, где мы ещё несколько лет назад выращивали пшеницу. А теперь там был лишь чернозём да сорняки – и всё из-за неё. Где-то вдали шумело холодное осеннее море – даже в голове я мог представить, как плещутся волны, как серая пена жертвенно бросается на холодный влажный песок, как моряки бороздят просторы этой тихой осенней гавани, пытаясь выловить последних рыб, пытаясь заработать хоть немного денег, чтобы прокормить семьи. Всё я это помнил, эти картины отложились в моей голове навсегда, и забыть их означало потерять частичку себя. Такая жизнь меня не устраивала, и я запомнил лишь то, что хотел сохранить.

– Паршивцы не могут вырасти хорошими людьми, – сказал я, вновь повернувшись к женщине, испуганно застывшей на морозной земле. Она дрожала от ледяного ветра, продувающего задний двор, окаймлённый старым забором, который был построен ещё очень давно, лично мной и моими братьями.

– Ты и не станешь хорошим человеком, – сказала она, насупившись, – никогда. Если ты сделаешь то, что задумал.

– Мне плевать. Я не хочу быть хорошим. Я хочу быть собой. Даже если ради этого придётся избавиться от той, что постоянно уничтожала во мне человека. Неужели ты думала, что я вечно буду это терпеть? Неужели тебе и в голову не пришло ни разу, что я тоже человек? Ничто человеческое мне не чуждо, и теперь... – я на минуту замолчал, переводя дыхание. Сердце бешено колотилось от такой тирады и предвкушения смерти, вкуса крови на губах. – Теперь-то, я думаю, ты поймёшь, что значит быть лишь рабом в чьих-то руках. Особенно, когда твой хозяин может запросто лишить тебя жизни.

– Да мне уже всё равно. Делай со мной, что хочешь, подонок. Всё, что ты хотел, ты уже со мной сделал. Думаю, ничего более интересного ты и не придумаешь.

– Посмотрим, – я повертел в руках лопату, стоявшую в паре шагов от меня, она была воткнута в промёрзшую землю, чтобы потом, когда снега растают и вода вновь заструится по двору, размывая лёд, обнажая грязь, взять её и начать раскапывать то, что осталось с прошлого года. Только вот не будет уже никакого следующего года. Ни для меня, ни для неё, ни для кого бы то ни было ещё.

– Лопата? Примитивно, – сардонически фыркнула она. – Бог обделил тебя смекалкой.

– Зато ты у нас тут самая умная, да? – злобно прошипел я, чувствуя, как дрожат от напряжения мои руки, сжимающие лопату. Я знал, чего она добивалась – выводила меня из себя. В детстве у неё это прекрасно получалось. Многие мои воспоминания были связаны именно с неистовой злобой на неё и весь мир только из-за того, что она в очередной раз сказала что-то не то.

– Злишься, – улыбнулась она. – Как я люблю на это смотреть.

– Скоро ты вообще ничего не увидишь, – я подошёл ближе, с хрустом первого тонкого льда вырывая лопату из земли, таща её за собой. Она попыталась отползти ещё дальше, но упёрлась своей пустой головой в фундамент нашего старого дома, построенного ещё в те далёкие времена, когда ни меня, ни её не было на свете.

– Ну давай, подходи, ублюдок! Убей меня, давай! – начала кричать она, пытаясь разозлить меня ещё больше. Но я больше не был в её власти – её слова для меня более ничего не значили.

Я положил лопату на своё плечо, чтобы легче было замахиваться. Встал поудобнее – ботинки утонули в ещё не застывшей грязи – взял черенок двумя руками.

– Увидимся в аду, – прошипел я, еле сдерживая слёзы. Слёзы счастья.

– До встречи, – спокойно ответила она. – Сын.

– Мама, – прошептал я.

И замахнулся, что было сил.

Если я не умру сегодня

Часть I

Каждый день начинался с того, что я ненавидел себя. Ненавидел каждую клеточку своего тела, дрожал от холода в своей наполовину сломанной кровати, которую на тот момент делил со своим младшим братом Джоном. По утрам он вечно прижимался ко мне и отбирал наше общее старое одеяло, укутываясь в него, словно в кокон. Я не отнимал – слишком сладко он спал, и в утреннем лёгком свете его расслабленное лицо напоминало мне о том, что я живу ради него и остальных братьев, что спали на соседней кровати, тоже вдвоём. Маленький Сэм и Филипп, мальчик чуть постарше его. Каждое утро я вставал раньше всех, чтобы помочь всем подготовиться к новому дню. Первым делом нужно было разбудить старшую сестру, Лейлу, заставить её готовить завтрак на маленькой кухне, в которой всегда воняло тухлой рыбой, потому что отцу было угодно, чтобы она лежала там, в одном из шкафов на верхней полке. Сестра моя больше всего на свете любила поспать. Я её понимал – она одна из немногих в нашей большой семье могла позволить себе устроиться на работу прачкой в Ньюпорте. А ещё единственная могла позволить себе отучиться в школе. До города она добиралась пешком, отчего у неё постоянно болели ноги и поднималось давление. Хотя она всё равно была той ещё язвой и вечно норовила как-то побольнее задеть и меня, и братьев. Меня она, конечно, не любила больше всего, потому что я был самым старшим из мальчиков, остальных трогать ей, видимо, было совестно.

В комнате у неё вечно был беспорядок. Разбросанные открытки, купленные в ближайшем почтовом отделении, одежда, которую она не успела сложить с прошлого дня, книги о вечной любви – это была её странная, пустая жизнь обыкновенной прачки из Ньюпорта. И я каждое утро приходил её будить.

После того, как она скажет мне что-то типа «опять в кровать напустил, мелочь?» или «иди на горшок лучше сходи, пока я не встала», я уходил вниз, на первый этаж и, зашнуровав свои ботинки на толстой подошве, стоя в полумраке рассвета, идущего со стороны пока ещё цветущих полей пшеницы, выходил на улицу. Вдали виднелось бушующее море. По утрам оно неистово билось о влажный пустынный берег, омывая валуны, разбросанные по всему пляжу, старый-престарый пирс, построенный моим отцом ещё до моего рождения. Облака плыли низко, словно неясный туман, медленно поднимающийся всё выше, ветер сгонял тучи на запад, куда-то за горизонт, куда в конце дня так же привычно завалится практически мёртвое солнце.

Я уходил к сараю колоть дрова для печи – в конце зимы обычно было всё ещё очень холодно. Брал старый топор, начинал делать своё дело. Это была самая лёгкая, спокойная часть дня, которую я любил больше всего. Хотя нет, наверное, больше всего этого я любил вечер, закат и спокойное море. Однако причина такой странной любви была не в рассвете и не в закате.

Она была в человеке.

Мать моя всегда была деспотичной, слегка поехавшей дурой, у которой неплохо получалось вышивать. Каждое утро, ровно в половине восьмого утра, она выходила из своей комнаты, и тогда я понимал, что одна из двух лучших частей дня заканчивалась и начинался леденящий душу ад, медленно выворачивающий душу. Я бросал колоть дрова и шёл приветствовать её – иначе она снова бы взяла плетё и пару раз ударила ею по спине. Эту боль ни мне, ни Лейле, ни братьям не забыть никогда – словно раскалённый металл медленно стекал по спине. На мои глаза вечно наворачивались слёзы, когда мы с братьями шли в баню раз в две недели, и я видел на их спинах бледные шрамы от ударов. Наверняка, на моей спине всё было в разы хуже, но никто не хотел говорить об этом, об этой боли все привыкли молчать и делать вид, что это осталось в далёком прошлом.

– Мы когда-нибудь покажем это маме? – спросил меня как-то раз Джон, когда мы лежали в кровати, отходя ко сну. В свете керосиновой лампы, висящей над кроватью, его детское личико выглядело ужасно напряжённым и матёрым. Страшно было наблюдать, как детская беззаботность медленно уходила из его глаз, да и не только его глаз, но и всех остальных братьев.

– Не знаю, Джон, – я натягивал одеяло до его подбородка и поправлял прядь волос, вечно падавшую на его узкий гладкий лоб. – Когда вырастем, тогда и расскажем. Тебе больно?

– Нет, спина не болит, но... – Джон на мгновение замялся, чихнул, – но мне просто непонятно, почему мама с нами так поступает. Может, если спросить её, она нам скажет?

– Вряд ли, – помотал головой я, ложась рядом с ним. – У каждого свои тараканы в голове, а если лезть к ним со своим уставом, то ни к чему хорошему это не приведёт.

– А что такое устав? – спросил Джон. – И почему с ним нужно куда-то лезть?

– Завтра объясню, – я поцеловал его в лоб (как покойника, подумал я), – спи.

– Спокойной ночи, мальчики, – чуть громче обычного говорил Джон Сэму и Филиппу. Те отвечали то же самое, и я тоже желал им спокойной ночи.

Я гасил керосиновую лампу, и в комнате воцарялась тьма, разрываемая лишь одиноким светом луны, проникающим в наше окно.

Джон обнимал меня, а я его. И так мы засыпали хрупким, чутким сном до самого утра, когда мне вновь придётся просыпаться от холода и вновь начинать этот порочный круг.

В один тёплый февральский день, когда даже заledenевшая грязь на заднем дворе начала таять, мать приказала мне вычистить дом.

– И что б ни единого пятнышка! – она пригрозила мне пальцем, хоть я и без этого прекрасно знал, что со мной будет (да и с остальными тоже), если я не выполню всё в точности так, как она сказала.

– Да, матушка, – говорил я, боязливо опуская голову.

– Пшёл, – она махала рукой, и мне нужно было в тот же миг испариться в другой комнате. – Начни с гостиной, к нам сегодня придут гости.

В глубине души я вздохнул. Гости... знал я этих гостей. Семейка дураков, что жила через две фермы от нас, Клеймеры. Отец – жирный боров, не моющийся месяцами, мать – инфантильная молодая девица, выскочившая за него из-за денег, а дети – так это просто тихий ужас. Вечно перед их приездом я говорил своим братьям, чтобы они не поддавались на их выпады, и у большинства это даже получалось. Кроме Филиппа, который так и норовил полезть в драку со своим обидчиком. Вечно из-за него нам всем доставалось, и я всегда молил Господа о том, чтобы в этот раз всё было хорошо.

Однако в Бога я уже давным-давно не верил. Он оставил всех нас наедине с Дьяволом.

Квартиру я вычистил на ура. Везде протёр пыль – даже на карнизах, – помыл везде полы слегка мутноватой водой, протёр окна от многовековой пыли, вытрусил ковры, обыкновенно лежащие в гостиной, вновь наколот дров на вечер. Лейла всё это время сутилась на кухне: месила тесто, чистила рыбу тупым ножом (буквально каждые пару минут я слышал громкое «ай!», доносящееся с кухни), кипятила воду, чистила овощи и нарезала их, чтобы отправить в суп. И когда, казалось, все дела были сделаны, из своей комнаты к нам спустилась мать и осмотрела весь дом, пытаясь найти малейшую пылинку или кусочек грязи с обуви. Но в тот день она ничего не нашла и лишь грозно кивнула, буркнув себе под нос: «Нормально». Когда она уже поднималась по лестнице, то вдруг обернулась, посмотрела на меня.

– Сходи в подвал, принеси виски отца, – и продолжила подниматься. Лейла, видевшая мать и слышавшая эти её слова, бросила на меня грустный взгляд, полный сожаления. Хлопнула дверь в спальню, и сестра тихо сказала:

– Что встал? Неси быстрее, пока эта шмара не разозлилась. Проблем хочешь?

Я лишь помотал головой и, накинув тёплую шерстяную куртку, вышел на улицу, где и был вход в подвал. Открыл скрипучие деревянные двери, на меня дыхнул холод подземных поме-

щений, смешанный с запахом влажного, пропитанного виски дерева, и ароматом гнили, исходивший из-за стен.

Вот почему мне не нравилось туда ходить. Гниль – вечный гость в подвале. Крысы пытались пролезть через дыры в стене, застревали в застенках, так там и умирали. А трупы искать никто не хочет, вот и гнили они там. Сколько дней мне преследовал этот ужасный запах смерти, когда я впервые спустился туда за банкой солёных помидоров! И сколько дней у меня перед глазами стоял образ маленькой дохлой крысы, бесхозно лежавшей прямо посередине подвала в окружении закатанных банок с вареньем, солёных овощей и целой полки с алкоголем, принадлежавшей отцу.

Я спустился вниз по скрипучим ступенькам и зажёл лампу. Быстро прошёл по холодному квадрату комнаты, остановился возле полки, увидел бутылку, вручную подписанную как «виски», схватил её и быстрым шагом пошёл обратно, к свету, что лился сверху на этот маленький могильник. Запах гнили по-прежнему был там, и нос мой отказывался это нормально воспринимать.

Я закрыл подвал и вернулся в дом. Поднялся на второй этаж, бросив мимолётный взгляд на измученную Лейлу, постучался в спальню родителей. Дверь открыла мать. Грозно насупилась, вырвала бутылку и вновь хлопнула дверью так, что стёкла задрожали. Моя голова невольно вжалась в тело от страха.

Столько злости, столько ненависти... и откуда она в ней? Сколько я себя помнил, мать всегда была такой. И мне было и интересно, и страшно пытаться узнать, отчего же она такая стала. Любопытство, конечно, сильная штука, но мне моё здоровье оказалось дороже, и я бросил все попытки разузнать о её прошлом, особенно после того, как мать один раз выпорола меня за это. После этого я ещё пару дней с трудом мог сидеть, а при матери мне приходилось делать вид, что мне совсем не больно, чтобы мне не досталось ещё больше.

Однако это было не самое страшное, что с нами со всеми случалось. Самое страшное было всего пару раз за всю нашу совместную осознанную жизнь, и ни я, ни Лейла, ни братья не смогли простить её. В те дни я молился о том, чтобы всё стало, как прежде.

Только если я не умру сегодня, говорил я себе каждое утро и каждую ночь, только если я не умру, то смогу их всех защитить. И именно эти слова могли удержать меня на этой промёрзшей почве земного ада.

Часть II

Мы все боялись. Боялись криков, боялись боли, боялись собственную мать. Казалось, в любой момент она может сорваться с цепи и стать той самой бестией, о которых я читал в старых книжках, убаюкивая своих младших братьев. Никому не хотелось лишний раз злить её, поэтому почти всегда в доме стояло многозначительное, холодное молчание. Лишь я да Лейла хлопотали по дому, не проронив за весь день ни слова, общаясь друг с другом лишь грустными взглядами.

Но в тот вечер всё было не так. Когда к нам вошли Клеймеры, мать тут же преобразилась: её взгляд утратил стальной холод и блеск, кулаки разжались, показывая этому миру стёртые костяшки её пальцев и порезы на кистях. На лице появилась воздушная, слегка вымученная улыбка.

– Добрый вечер, Ханна! Добрый вечер, Герберт! – сказала она приторным голосом, совсем не таким, каким она разговаривала с нами. Она нагнулась к двум маленьким деткам: мальчику Освальду и девочке Клэр – потрепала их по головке, ущипнула за щёчки. И когда мне показалось, что вечер пройдёт хоть и шумно, но спокойно, то мать, словно прочитав мои мысли, бросила на меня полный жестокости взгляд, движениями желтоватых белков и кивком головы приказала забрать вещи гостей и повесить их на вешалки. Стоило мне пройти мимо, как она остановила меня, крепко схватив за плечо. Я медленно повернул на неё голову, медленно переводя взгляд с подола её платья, измазанного ежевичным соком, на её грозное, мясистое лицо.

– Повесишь вещи и будешь паинькой. Никаких выходок, молодой человек, иначе... – сказала она тихо, но не менее доходчиво.

Я лишь кивнул. Мне не требовалось объяснений, что будет, если вдруг что-то пойдёт не по её плану.

Все прошли в гостиную, по совместительству столовую и начали рассаживаться по местам. Я поставил всем тарелки, начал накладывать овощное рагу, которое весь день до этого готовила Лейла, спящая на тот момент на втором этаже. В тот миг я ей так завидовал и так боялся за своих братьев, тихо играющих в игрушки в нашей общей спальне.

Один кусочек рагу случайно капнул на мои и без того не самые чистые штаны. Мать смерила меня презрительным взглядом. Затем повернулась к гостям и радостным голосом пропела:

– Он у меня такой свиньёй бывает, ну просто не знаю, что делать, – все гости рассмеялись, смотря мне прямо в глаза. Руки мои невольно сжались в кулаки. Я закончил накладывать рагу и вышел из гостиной, сел на ступеньках, ведущих наверх, стал вслушиваться в то, что говорила мать.

– Рассказывай, как дела-то в мире? – заинтересованным голосом сказала она. – Небось, всё совсем поменялось?

– Да нет, что ты! – будто не замечая мрачной, тягучей атмосферы, отвечала Ханна, параллельно пережёвывая овощи. Гадость, подумал я. – Слышала, что по соседству с нами теперь новая семья. Ферму выкупили всё-таки.

– Какую ферму?

– У которой ещё дом был похож на корабль. Помнишь, ну? – продолжала Ханна.

– А, та старая развалюха на окраинах! Конечно, помню. Сколько раз уже говорила снести эту хибару, никакого толка от неё не было и нет.

– Зато теперь будет. Говорят, новенькие – фермеры со стажем.

– А мы ничуть не хуже! – горделиво сказала мать. – Даже лучше этих выскочек, в сто раз лучше! Никакие новенькие фермеры не переплюнут матёрых людей, выросших здесь. Уж я гарантирую.

– Посмотрим, какие они с виду. Может, они вообще совсем уж из деревни, не то, что мы.

– Ну я сегодня не королева красоты, – усмехнулась мать.

«И не только сегодня», – улыбнулся я язвительно.

– Дом отдраила так, что он блестит и скрипит от чистоты, – закончила она. – Столько сил на это угробила, спина уже ни к чёрту. К врачу ходила, лекарства мне выписали, да денег всё нет их купить.

Ах, вот оно что. Она драила дом весь день, а мы... ай, ладно. Пора бы мне уже привыкнуть к такому порядку вещей. Всё равно этот кошмар кончится только, когда она наконец умрёт и мы все вместе её похороним. Хотя, чёрт его знает, когда этот сладостный миг отмщения настанет. Но я не прекращал надеяться ни на минуту.

Мне надоело слушать эти бесполезные разговоры двух сумасшедших домохозяек, и я поднялся наверх, к себе в комнату. Стоило мне открыть дверь, как три мальчика, сидевшие мирно на полу, вдруг сжались в непонятном страхе, но разглядев во тьме коридора меня, тут же расслабились.

– Хэй, как вы тут? – тихо спросил я и присел рядом с Джоном, он аккуратно похлопал по холодному деревянному полу, призывая опуститься рядом с ним.

– Пока вроде нормально, – отвечал Филипп, второй по старшинству парень. – Мама не лезет и ладно. Чем они там заняты?

– Болтают о всякой дури. Как обычно в общем, потом мне надоело их слушать, и я ушёл.

– Лучше бы они оставались там как можно дольше, – вздохнул Филипп. Джон вопросительно посмотрел на меня:

– Почему лучше?

– Потому что если маме что-то не понравится, то это отразится на всех нас. Ты же помнишь, что было три месяца назад? – встрял в разговор я.

– Помню, – тихо сказал Джон и вжался в меня, обняв сбоку за талию. Все, кто сидели в комнате, кроме пятилетнего Сэма, самого младшего из нас, поёжились.

– Зачем ты напомнил? – фыркнул Филипп, складывавший в это время разноцветные кубики в корзинку с остальными игрушками. – Я же теперь не усну.

– Я тоже, – грустно улыбнулся я, понимая, как страшно и больно вспоминать эти ужасные два часа.

То было начало зимы. Первые метели только пришли с центра страны, ближе к морю, то есть к нам, и дороги уже начали покрываться довольно толстым слоем первого снега. Небо чернело буквально за пару часов, оставляя над головой лишь пустую, мёртвую черноту облаков и космоса, которого всегда так страшился Филипп. Свет в такую погоду обычно выключали на всех фермах, но в тот вечер такое несчастье выпало лишь на нас, поэтому все сидели по своим комнатам с керосиновыми лампами наперевес, занимались своими делами, стараясь не потревожить спящего дракона в своём логове – мать. Она работала тогда от среды до среды, поэтому приходила домой поздно и тут же заваливалась спать. Мы были даже рады этому – и деньги в семье появились, и криков стало значительно меньше.

Однако что-то пошло не так, и когда Джон захотел выйти в сортир (который к слову тогда ещё был на улице), то мне пришлось пойти с ним. Всё-таки ему всего семь лет, а метель была в ту ночь страшная.

Я надел зимнюю куртку, одел Джона потеплее и вместе мы вышли наружу, прихватив с собой наш общий керосиновый фонарь с выгравированной фамилией нашей семьи: О'Хара. Прошли несколько десятков метров, крепко держась за руки, чтобы не потеряться в бесконеч-

ной тьме и боли от постоянно бьющего в лицо снега, к тому же ещё и постоянно заваливающегося за шиворот.

Я подождал, пока Джон сделает свои дела, и мы быстро побежали обратно.

А когда вернулись, то обнаружили, что мать проснулась и увидела, как Филипп с Сэмом случайно разбили её любимую фотографию бабушки, когда шли вниз, попить воды. Стоило нам войти в дом, как сердце сжалось.

Сжималось оно ещё долго.

Она вытолкнула нас на улицу, якобы, чтобы мы подумали над своим поведением. Вытолкнула Филиппа и Сэма без зимней одежды, в одних ночнушках и тёплых носках, которые им связала Лейла на Рождество.

Это были самые долгие два с половиной часа в моей жизни, да и в жизни братьев. Я снял свою слишком большую для моего тела куртку, постарался обхватить всех сжавшихся в одну кучку братьев. Снег хлестал по лицу, холодный воздух обжигал лёгкие, мешая дышать, ещё и темно было хоть глаз выколи. Всё это смешалось в сплошной поток боли, и я боялся даже не за себя, а за братьев, ибо не мог допустить смерти хотя бы одного из них. Мне казалось, что моё предназначение в этой семье – принимать на себя все удары судьбы и матери, чтобы никто не трогал этих беспомощных мальчиков, кроме которых я близкими или даже родственниками никого не считал.

Так мы и сидели два часа на веранде, укутанные снегом. И единственная мысль, которая крутилась в тот момент в моей голове была: «Если я не умру сегодня, то всё изменится. Я отомщу, если не умру сегодня».

Никто в ту злосчастную ночь не погиб. Но, к сожалению, ничего так и не поменялось. Всё осталось на своих местах. Кошмар продолжился.

Горящие корабли

Часть III

После того ужина мать была сама не своя. Нет, совсем не злая, даже наоборот, непривычно спокойная, статная, без намёка на агрессию. Из неё словно высосали весь гнев, который копился в ней всю жизнь, кипел внутри, словно вода в кастрюле, стоящей на открытом огне. И в доме с тех самых пор воцарилась тишина. Хотя этим словом трудно описать, как было странно ощущать себя отрезанным от всего мира и его звуков весенней оттепели, умирающего ветра, приносящего со стороны моря тяжесть солей и запах водорослей, плавающих на поверхности воды, изредка выбрасывающихся на безжизненный берег.

Я в то время уже начинал готовить подарок для Филиппа, ему должно было исполниться ровно десять лет. Он всегда мечтал стать рыцарем, грезил об этом круглые сутки, и даже когда оставался один, то делал вид будто держит меч и щит, продвигаясь сквозь сложные испытания на пути к спасению своей прекрасной принцессы.

– Почему принцесса? – спросил Филлип как-то раз, когда я присел рядом с ним и стал расспрашивать, как выглядит его будущая дама сердца, которую он отправится спасать, когда слегка подрастёт.

– А кто же ещё? – я слегка нахмурился.

– Я друга буду спасать, – улыбнулся он и стал махать рукой как мечом, рассекая ею затхлый воздух нашей общей комнаты. Мы в ней были одни: Джон и Сэм сидели в комнате Лейлы и помогали ей с уборкой.

– Друга... мальчика, – как-то неуверенно процедил я, прокручивая у себя в голове, правильно ли я понял его слова.

– Да, мальчика. А что такого? – спросил братец, опуская руки. В его взгляде я заметил едва заметное разочарование. – Это что, плохо?

– Конечно нет, Филипп, – я протянул руки и крепко обнял его, тот сжал свои маленькие ручки на моей спине, положив голову на моё плечо. – Ты можешь спасти того, кого хочешь. Сердцу не прикажешь.

– Правда? – прошептал он. – Мама просто говорила, что... что я не должен так делать. И сказала слово, которое я не должен произносить вслух.

– Я понял, о чём ты. Не слушай её, она врёт, – я легко взял его за плечи, улыбнулся, чтобы поднять ему настроение. – Просто не говори об этом при ней, хорошо? Не будем лишний раз давать поводов для крика.

Филипп в ответ расплылся в улыбке от уха до уха и кивнул. Затем вновь обнял меня и прошептал:

– Ты самый лучший брат.

– Спасибо, я это ценю, – выдавил из себя, чувствуя, как застревают слова в горле.

Подарком на день рождения Филиппа я решил сделать фигурку рыцаря из дерева. Даже покрасить решил вручную, хотя мои способности художника оставляли желать лучшего. Заготовку я сделал из старого полена, что просто лежало у стены сарая, обколот его топором, и дальше принимался работать небольшим отцовским походным ножиком, которым он обычно срезал грибы. Пока я вырезал очертания рыцаря, успел раз десять точно порезаться, поэтому к концу моей работы все пальцы у меня были замотаны слегка застиранной тканью.

Дни рождения у нас обычно не праздновали в привычном смысле этого слова. Мать иногда даже не удосуживалась поздравить кого-то из своих детей или мужа, но про свой праздник она не забывала никогда. Стоило солнцу выйти из-за горизонта, как тут же начинался театр абсурда: мать выходила из комнаты – вся размалёванная, как в последний путь – и вальяжно спускалась по лестнице на первый этаж, где её уже ждали мы. Я улыбался, хотя на самом деле мне хотелось лишь кричать от злости и негодования, да и по лицам остальных я видел, что

не всё так радужно, как кажется на первый взгляд. Даже отец был не совсем уж счастлив с ней, хоть и столько раз говорил, что любит её больше жизни.

Ну да, с такой особой жить – жизнь ненавидеть.

В последние дни февраля уже начиналась настоящая весна, и весь лёд, что окружал наш дом всю зиму, начал сходить. Он трещал круглые сутки, отламываясь, скатываясь по пологому склону в сторону дороги, шедшей рядом с нашей фермой. К началу весны она превратилась в сплошное месиво из грязи и мутной воды, как и наш задний двор, который нам всё равно придётся откапывать и расчищать ото льда. Оставалось дожидаться середины марта, чтобы начать ненавидеть свою жизнь ещё больше.

Одним ранним утром я вышел из дома, был сильный мороз, даже почти растаявший лёд вновь схватился, делая из дороги один большой каток. Мне не нужно было колоть дрова, на то утро у меня была другая задача. Каждую неделю я ходил за водой со старым, слегка помятым ведром в другой конец Ист-Пойнта – нашей маленькой деревушки фермеров. Путь мой пролегал вдоль той самой дороги, что превратилась в ледовое полотно, ласково отражающее косые лучи ещё только восходящего солнца.

Я шёл под сенью голых деревьев, где-то в вышине щебетали дрозды, летая над Ист-Пойнтом, выписывая невообразимые пируэты в воздухе. Они были похожи на отчаявшихся балерин, решивших взмыть в небеса, разочаровавшись найти своё счастье здесь, на земле. И, похоже, у них получилось, и я им даже немного завидовал – у них была возможность полететь куда угодно, осесть в любом месте, быть счастливым, не завися от того места, где они находились. Самое странное заключалось в том, что они продолжали сидеть в родных краях и делать вид, что их всё устраивает. Смешно и грустно. Люди ведь делают точно так же.

До колонки идти две мили, не меньше. Уже на половине пути я весь взмок и даже расстегнул свою большую куртку, чтобы холодный ветер продувал меня со всех сторон. Но уже спустя пару минут мне стало холодно, и мне пришлось застегнуться обратно, чтобы не заболеть, иначе работать будет некому, кроме Лейлы или Филиппа. Уж лучше я буду делать всё, чем мои ребята.

Когда колонка уже виднелась на горизонте, я заметил, что возле стояла какая-то девушка – низенькая, с круглым лицом, в тёплой лисьей дублёнке и серым платком на голове. Выглядела она довольно старомодно для этих мест, но... отчего-то добродушно.

Я остановился прямо напротив неё – она набирала воду в новенькое блестящее ведро. Спустя пару секунд она обратила на меня внимание, подняла свои карие глаза и вопросительным взглядом окинула меня с ног до головы.

– Привет, – только и смог сказать я, случайно громыхнув своим ведром, которое до этого старательно прятал за спиной, чтобы она не подумала, что я нищий. Хотя кого я обманываю? Я выглядел как самый настоящий бедняк.

– Доброе утро, – вдруг улыбнулась девушка, голос у неё был приятный, не слишком высокий. – Ты здесь живёшь?

– Да, в паре миль отсюда. А ты? Я тебя здесь что-то не видел, – выпалил я нервно, всё ещё надеясь произвести хорошее впечатление.

– А... мы с мамой переехали сюда только недавно, вот вещи разбираем, – она указала на ведро, – и моем.

– Я слышал о вас, – улыбнулся я, вспомнив глупый трёп матери и её дуры-подруги. – У вас ещё дом похож на корабль.

– Да, он самый.

– Только не забывай, что все мы здесь тонем и горим одновременно, – как-то мрачно и одновременно буднично сказал я.

– Горим... и тонем, – она призадумалась. – Я переживу, сколько раз уже так было. Кстати, как тебя зовут?

– Уильям. Можно просто Билл.

– Я Элис, – она протянула мне руку, я осторожно её пожал и улыбнулся. – Приятно познакомиться, Билл.

– И мне.

Мы одновременно усмехнулись.

– Не хочешь зайти к нам на ужин? – спросила она, когда мы вдвоём шли по своим домам. Нам было по пути. – Думаю, мама будет рада новым знакомствам с местными. Друзья везде нужны, даже там, где их, казалось бы, и быть не может.

– Я подумаю, – пожал плечами я. – Дел по горло, иногда даже нет времени присесть и спокойно отдышаться, не то, что по гостям ходить. Но за приглашение спасибо.

– Для всего можно найти время, если очень сильно захотеть. Всё остальное – лишь предлоги, чтобы ничего не делать и потом безнаказанно жаловаться на жизнь.

Элис вдруг остановилась на перекрёстке двух дорог: похоже, ей нужно было в другую сторону. Вдали виднелся большой белый дом с голубыми ставнями и серой черепичной крышей.

– Ну, что же... – начала она неуверенно, – я пойду?

– Да, конечно, – глупо улыбнулся я. – До встречи, Элис.

– До встречи, Билл.

Она помахала мне рукой и, развернувшись, легко побежала по хрупкому льду. Я слышал, как он захрустел у неё под ногами, но по-прежнему оставался цел. Дублёнка плотно облегла её ещё пока детское тело. Платок на голове слегка съехал на бок.

И только когда она скрылась за воротами своего участка, солнце выглянуло из-за тёмного оплота туч, прямо из-под горизонта, и огненными лучами озарило тот самый дом, что был похож на корабль. В тот миг мне показалось, что он действительно вспыхнул.

Дом-корабль. Дом-горящий-корабль. Такой далёкий и такой близкий. Как и все остальные дома в Ист-Пойнте, в которых я предпочёл бы оказаться. Но затем вспоминал, что мне не на кого было бы оставить своих братьев и тут же отбрасывал эти глупые мысли о побеге. И так всё неплохо, никто пока не умер, значит всё хорошо.

Только вот горящий корабль не давал мне покоя. Слишком он был величав и спокоен.

Дом, где мы не живы

Часть IV

Я помогал Лейле на кухне. Она собиралась приготовить яблочный пирог из тех яблок, что опали с яблони и начали медленно гнить. Я собрал их в небольшую плетённую корзинку, валяющуюся возле метлы, отнёс ей и помог чистить, нарезать, складывать их в тесто, которое она замесила ещё пару часов назад. Мне было совсем несложно помочь ей, даже наоборот, был рад. Мы с ней в последнее время так мало разговаривали да и вообще виделись: она всё время пропадала в Ньюпорте, в прачечной, где она помогала нерадивым грязнулям чистить их барахло. На самом деле мне даже не хватало её колких фраз по утрам, ведь теперь она вставала раньше меня, чтобы успеть всё сделать до того, как ей нужно будет идти на работу.

– Ты не устала от работы? – спросил я, выбрасывая кожуру от яблок, чтобы отнести их нашим трём свиньям в маленьком хлеву. Она в это время наливала горячую воду в небольшой металлический таз – мыть посуду после вчерашнего ужина.

– Странный вопрос, Билли, – серьёзно ответила она, даже не взглянув на меня. Все действия она выполняла монотонно, отчего мне даже на миг показалось, что это совсем не Лейла, а какой-то странный механизм, лишь отдалённо напоминающий человека.

– Это почему?

– Конечно устала, – вздохнула она и гроыхнула тарелками в тазе. – По мне разве не видно? Эти тупые прачки совсем не умеют стирать, после них приходится всё заново делать. Оттого и устаю. Понаберут всяких, а я разгребай. Иногда жалею, что вообще туда устроилась.

– Найди другую работу, менее сложную, – пожал я плечами.

– Прачечная в Ньюпорте – самая высокооплачиваемая работа в городе. Я не уйду даже если пригрозят отправить на убой, как наших коров когда-то.

Я вдруг вспомнил эти странные времена, когда странный мор проходил по Ист-Пойнту – коровы дохли как мухи, и нам приходилось таскать их тяжёлые трупы до огромной могильной ямы, куда их сносили все остальные. Отец в те времена работал дни и ночи напролёт, поэтому труп нашей любимой коровы Бетси пришлось тащить на себе, повязав старую бечёвку вокруг её ног и шеи, чтобы узлы не развязались.

– Деньги не так важны, как ты думаешь, Ли, – я любил иногда так её называть, её притворная злость заставляла меня улыбаться.

– Важнее, чем ты думаешь, мелочь, – улыбнулась она в ответ.

– Мне всё равно кажется, что нам нужно уходить, – вырвалось вдруг у меня шёпотом.

– Уходить? – так же тихо сказала Лейла. Зрачки её расширились, посуду она бросила и повернулась ко мне, пристально смотря в глаза. – От них? Совсем с ума сошёл?

– Я про работу говорил, глупенькая, – я тихо рассмеялся и, может, мне показалось, но она облегчённо вздохнула.

– Тогда хорошо.

– А что, думаешь, отсюда сбежать невозможно? – заговорщицки спросил я спустя целую минуту молчания, нарушаемого лишь шорохом посуды.

– Я не хочу об этом говорить. Может, когда подрастёшь немного, тогда расскажу тебе, что думаю.

– Мне семнадцать, Ли. Думаю, я уже достаточно взрослый, – парировал я, завязывая мешок с остатками еды, которые я планировал отнести нашим свиньям.

– Нет, потом расскажу. Отнеси этот мусор свинкам, думаю, они проголодались.

Пришлось подчиниться. Я вышел на улицу и быстро добежал до маленького хлева, выбросил кожуру от яблок, куски вчерашнего картофеля, прожилки и слегка испорченные куски мяса в корыто, где обычно обедали наши три старые свинки. Когда я смотрел на них,

мне всегда становилось немного тяжело на душе: люди ведь обычно растят их, чтобы в конце концов убить и съесть. Звучит как-то по-варварски.

Я вернулся в дом, позвал братьев на завтрак. За столом как обычно никто не говорил, мать смотрела на нас, словно орёл с высокой горы высматривал жертву, а отец сидел и лишь смотрел в тарелку с кашей больше похожей на клей, смешанный с водой. Его губы поджаты, словно бы он боялся вздохнуть.

Даже если никто не хотел замечать этой странной атмосферы, то я замечал все малейшие изменения в лицах, в интонациях, в мимике. Каждый взгляд, каждая фраза – их я воспринимал чаще всего близко к сердцу. Да, в последние несколько лет я отучился от этого, но что-то всё равно вижу. В доме, где больше нет чувств, быстро разучиваешься быть живым.

И вся наша семья жила в доме, где мы не живы.

Убежать, убежать, убежать. Вот мои мысли в последние несколько дней. Убежать от матери, убежать от этого дома, убежать от себя. И если от первых двух ещё можно как-то уйти, то от самого себя никогда не скроешься. И это медленно разъедало мне душу.

После дня рождения Филиппа прошло уже четыре дня, и мать тут же заставила его вычищать свинарник, забирать яйца у кур. Я до сих пор помнил его лицо, когда она вручила ему большую метлу, наверное, даже больше его самого. Этого я и боялся – она запрягала в работу по дому всех, кто жил в этом доме. И все пахали, кроме неё самой. Она уходила на работу, приходила поздно ночью и падала спать. А когда у неё был выходной, то в доме начинался крошечный ад, маленький концлагерь под руководством матери. Все ходят по комнатам словно призраки, делают всё монотонно, даже боясь переглядываться. Не знал я, чем был обусловлен страх перед ней. Ах да, она была детей плетью, стоило кому-то хоть ненадолго замешкаться.

Я пытался всмотреться в её маленькие серые глазки, злобно блестящие в вечерних сумерках, пытался найти там ответы на вопросы, так долго мучившие меня: почему она стала такой? Почему она не любит нас, своих детей? Почему она так упорно старается причинить всем боль?

И не мог найти в её глазах ничего, кроме бесконечной тьмы и яростного огня в них.

А с виду ведь она стала значительно сдержаннее, чем до того странного ужина. Просто бесстрастное лицо, каменная маска, не выражающая никаких эмоций. Даже тело, казалось, слегка высохло, стало больше похоже на сухую надломленную ветку.

На колонке как-то раз я вновь встретил Элис, которая жила в горящем на рассвете корабле. Она улыбнулась, как только заметила меня на горизонте, приветливо помахала рукой. Я забыл помахать ей в ответ – никогда так никто не приветствовал меня. А теперь... в душу закрадывалось смутное ощущение, что в моей жизни что-то было не так. Мне было странно смотреть на её искреннюю улыбку, слышать звонкий смех, видеть глаза, в которых сияет блеск жажды жизни и приключений. Я ведь всю жизнь думал, что такая жизнь, как у меня... она у всех. Видимо, целых семнадцать лет я ошибался.

– Ты придёшь к нам? Мама тебя ждёт в любой день, – светло сказала она, и даже сквозь облака на мгновение выглянуло утреннее солнце, наверняка осветив её дом-корабль огненным светом.

– Не знаю. У меня сейчас дома не лучшие времена.

– Ты каждый раз так говоришь, – слегка насупилась Элис, набирая воду в ведро. – Давай, от одного похода в соседний дом ничего не случится.

Я помолчал пару минут. Она ведь права. Моя жизнь не рухнет, не изменится настолько, чтобы потом об этом походе в гости можно было жалеть. Да и хотелось уже как-то развеяться, сбросить странные оковы, накинутае домом, в котором мы жили как в вольере.

– Ладно, я приду, – ответил наконец я. Элис заулыбалась.

– Только есть у меня одно условие, – продолжал я. Улыбка начала медленно сползать с её девственно чистого, слегка бледного лица. Но в глазах по-прежнему сиял огонёк надежды.

– Никто не узнает о том, что я у вас был. Просто потом у меня могут быть проблемы. Я не хочу, чтобы моя семья страдала из-за меня одного.

– И всё? Без проблем, Билли, – усмехнулась Элис и, резко дёрнув ведром, разлила немного на мои зимние ботинки.

Мы молча смотрели то на растекающуюся по дороге воду, то друг на друга. Потом рассмеялись и пошли дальше. Вода неприятно хлюпала в ботинках. Расстались мы на том же перекрёстке.

– Приходи вечером, часов в девять, – крикнула она мне вслед, махая рукой.

Я кивнул и впервые помахал ей в ответ.

Меня похоронят заживо

Часть V

Я отчего-то очень волновался, когда вернулся домой после последней встречи с Элис. Первый раз в гости... надо же, никогда бы не подумал, что такое действительно может случиться. Мать всегда запрещала нам заводить друзей, говорила, что это мешает вести хозяйство, а нам ничего и не оставалось, кроме как сказать «да, матушка» и дальше пойти колоть дрова, мыть полы или посуду, чистить картошку или зашивать дырки на платьях.

Начало марта. Большое, ясное время. Каждый день в первые мгновения весны был для меня словно новая жизнь. Но в этом году что-то было не так. Ни ясного солнца над головой, ни бледно-голубого неба с витающими вверху дроздами, ни почек на деревьях. Всё получилось ровно наоборот – наступили заморозки, грязь и лёд вновь смешались, превратив Ист-Пойнт в один большой замёрзший кусок ослиного дерьма, по которому было невозможно пробираться без острой палки, чтобы хоть как-то держать равновесие.

В день, когда был назначен ужин в доме у Элис, я особенно волновался за себя и своих братьев. До самого утра практически не спал, лишь изредка проваливаясь в поверхностный сон, под полупрозрачный хрупкий купол, который мог быть разрушен любым шорохом. И когда я очередной раз открывал глаза и чувствовал, как чуть крепче в меня вжимается Джон, мирно сопящий у меня под боком, мне становилось чуточку спокойнее. Всё-таки лучшее, что может у нас быть, так это наша семья. Только если эта семья любит тебя так же сильно, как ты любишь их.

Я поворачивал голову на соседнюю кровать, видел мирно спящих Филиппа и Сэма. Их лица, выловленные лунным светом, были преисполнены спокойствием, через которое незримо просачивалась странная грусть, которую я чувствовал всем сердцем. Каждый из нас устал, каждому из нас нужна была свобода, но нам её никак не достать. Я уже свыкся с этой мыслью и даже не пытался что-либо предпринять, чтобы сделать нашу жизнь лучше, да и просто-напросто боялся последствий. Вдруг я, восстав против матери, навлеку гнев и на всех остальных? Нет, пусть лучше будет так, но все будут живы, здоровы и сыты. Ничего больше мне и не нужно для маленького, мимолётного счастья.

Когда солнце, наконец, встало, я сам отдал Джону часть своего одеяла, попытался встать. Тот схватил меня своей маленькой ручкой за запястье.

– Тебе обязательно каждое утро уходить так рано? – тихо спросил он сквозь сон. Кажется, он даже не разлепил глаза. Я не стал выдёргивать руку, лишь наклонился к нему и поправил непослушную прядь волос, вечно падающую на его лоб.

– Кто, если не я, Джон? – сказал я ему на ухо. – Я делаю лучше для нас всех.

– Для всех? Я думал, ты уходишь по своим делам каждое утро, а потом возвращаешься к нам.

– Единственное моё дело – это ты, Филипп и Сэм, больше никого у меня нет.

– А как же Лейла?

– Она уже взрослая девочка. Сама заботится о себе. Мы ей скорее всего будем только мешать, если постараемся быть ближе, она ведь постоянно работает.

– Может, полежим ещё пять минуточек? – расслабленно потянулся Джон и обнял мою руку. Я не смог противиться его детскому зову. Лёг рядом. Он отдал мне мою часть одеяла. На моём лице сама по себе расплылась улыбка.

Спустя десять минут я уже спускался по узкой деревянной лестнице, попутно надевая куртку, закатывая её рукава, зашнуровывая ботинки во мраке рассвета, выбегал на улицу и шёл колоть дрова. Ужин, назначенный на вечер, придавал мне сил, и я делал всю работу в разы быстрее. Наколел дрова, быстро сходил за парой яиц в курятник, отнёс их Лейле, что в это

время уже всю хлопотала на кухне. Она хотела сделать омлет, я помог ей достать молоко, взбить с яйцами, а дальше она начала работать сама. Я же принялся убираться на кухне.

И вновь завтракали в тишине. Ничего, я привык. Все привыкли. Как-нибудь всё это можно пережить, ибо никто не вечен. Рано или поздно мне придётся пойти на работу, братья начнут хлопотать в доме вместо меня, мать и отец умрут, и мы останемся совсем одни. Наверное, так было бы лучше для всех, но... до этого ещё нужно дожить. А меня всё чаще и чаще посещало чувство, будто я не доживу до того момента, когда вся наша семья будет хоронить её основателей.

День пролетел незаметно. Солнце выглянуло на пару часов из-за облаков и слегка подтопило дорогу, по которой я вечером собирался пробираться в гости к Элис и её матери. Лёд блестел в солнечном свете, грязь неприятно хлюпала под ногами.

Я вышел из дома, когда почти вся семья уже легла спать. Только Лейла хлопотала на втором этаже, вроде бы наконец решила убраться в своей комнате, чтобы спустя пару дней опять начать её закидывать мусором. Входная дверь закрылась максимально тихо, даже ступени на лестнице в тот вечер не скрипели.

Уже стемнело, но я решил, что не могу обмануть ожидания моей новой и, что самое главное, первой подруги, поэтому решил рискнуть всем, впервые за всю свою жизнь. Пока пробирался сквозь грязь, успел один раз шлёпнуться прямо на спину, отчего у меня заискрились звёзды перед глазами. Я почувствовал, как испачкал свои единственные парадные штаны, которые надевал всего два раз в жизни: когда мерил их и когда заканчивал начальную школу.

Я добрался до дома-корабля, аккуратно к началу мелкого весеннего дождика, что грозился перерасти в настоящий ливень, размывающий дороги и пляжи. Постучался. Через пару секунд мне открыла Элис: в тёмно-зелёном фланелевом платье, поверх чёрный кардиган, в волосах – блестящая заколка с искусственными камнями.

– Ой, да ты весь в грязи, – сказала она. – Ну и погодка сегодня, да?

– Ага, мне совсем не понравилась, – усмехнулся я, понимая, как же я глупо выглядел.

За спиной Элис появилась миловидная женщина. Статная. Я бы даже сказал, очень красивая женщина. Она приветливо улыбнулась и помогла Элис оттереть мои штаны от грязи.

– Нет, нет, не стоит, я потом ототру обувь, – отнекивался, но мама Элис, Лиза, настояла. Она отнесла мои ботинки в ванную, отмыла от грязи и поставила сушиться возле входа.

Мы прошли на скромную кухню, ярко освещённую неплохой люстрой. Давно я не видел такого яркого искусственного света, даже как-то неуютно чувствовать себя настолько освещённым со всех сторон. Затем уселись за стол, принялись о чём-то разговаривать, шутить и смеяться. Я был настолько заворожён расслабленной атмосферой, царящей в этом доме, что невольно начал сравнивать её с тем, что было у меня.

И в один миг мне больше не захотелось возвращаться назад. Я знал, что там мне больше нет места.

– Как тебе здесь? – спросила вдруг Элис, вырывая меня из прострации.

– Очень неплохо. Я никогда не видел такого яркого света в доме. У меня мать любит экономить, поэтому чаще сидим с керосинками.

– У тебя есть братья или сёстры? – подключилась в этот странный допрос Лиза.

Я кивнул.

– Три младших брата и старшая сестра. Много голодных ртов, – изо рта вырвался нервный смешок. – Приходится выкладываться по полной, чтобы обеспечить их всем необходимым.

– Наверное, тяжело жить всем вместе... – вздохнула Элис. – Познакомишь нас?

– Это вряд ли, – я помотал головой. – Мать... запрещает нам заводить знакомства. На самом деле я сильно рискую, сидя здесь.

– Что она может сделать? – нахмурилась Лиза.

– Проще сказать, что она сделать не может, – грустно усмехнулся я.

Так мы и сидели где-то два часа. Когда пробило одиннадцать, я начал торопливо собираться домой. Я понимал, что нужно вернуться как можно быстрее, не хотелось, чтобы мать что-то заподозрила или поймала меня. Я слишком любил своих братьев и слишком волновался за них. Лучше пусть достанется мне, чем им.

– Уже уходишь? – сказала Элис слегка расстроенно.

– Да, дела не ждут. Спасибо за ужин. Очень вкусно, – ответил я, натягивая свою всё ещё не совсем чистую куртку. – Когда-нибудь я приду ещё. Если выживу.

Элис нервно рассмеялась, Лиз лишь испуганно улыбнулась.

– Доброй ночи, – я помахал им рукой с порога и вошёл во тьму наступающей весенней ночи, где пахло грязью, морем и навозом. Это странное сочетание запахов, как ни странно, заставляло меня чувствовать себя чуть спокойнее, ведь оно было и в моём доме.

Я добрался до своего жилища максимально быстро. Аккуратно повесил куртку, снял ботинки и стал подниматься по лестнице. Стоило мне пройти две ступени, как меня за плечо тут же схватила чья-то костистая рука.

Я медленно повернул голову в сторону того, кто меня схватил в надежде на то, что это мог быть самый настоящий Дьявол, Лейла, вор, убийца, но никак не *она*.

Но это была мать. Я тут же осознал одну неприятную вещь: меня похоронят заживо.

Ржавые цепи

Часть VI

Тьма сомкнулась вокруг меня на долгое время. Не знал я, сколько дней сидел в подвале, чувствуя затхлый запах влажной древесины и гнили дохлых крыс в застенках. Полы холодные, грязные, покрытые многовековой пылью и экскрементами тех крыс, что всё-таки выжили и теперь прятались среди банок и коробок. И среди всего этого я – такой же грязный, покрытый пылью времён и скованный цепью, прикрепленной к глотке.

После того вечера мать приходила ко мне чаще обычного. Стоило ей загнать меня сюда с помощью старой ржавой кочерги, пару раз расцарапав ею спину и грудь, вокруг меня была лишь тьма и писк крыс. Но вдруг открывалась дверь, и бесконечный мрак расступался перед натиском яркого бледного света. Спускалась по лестнице тихая тень в длинном рабочем платье, иногда мне казалось, что в этой тьме даже её глаза блестели ярким бесстрастным огнём.

И когда она спускалась, я молил Бога о том, чтобы она в этот раз ничего не делала. И каждый раз никто не слышал мои молитвы.

В руках у неё, словно домашняя змея, лежала её любимая плетёная из коровьей кожи, которую она купила ещё давным давно в Ньюпорте, чтобы гнать коров во время выпаса. Но теперь в роли животных были её дети, которые почему-то боялись что-то сказать против неё. С каждым днём я всё больше и больше чувствовал, что такая жизнь меня не устраивает, ибо я увидел, как на самом деле может жить мать с детьми. Для меня было полной неожиданностью увидеть, что в доме может быть светло и чисто, что в комнатах царит смех и радость, безмятежность и нет нигде гнетущей тишины, так давящей на череп, который и без того уже трещит по швам.

И теперь я хотел, чтобы и у нас в доме было так же. Только вот этого не будет. По крайней мере, пока мать жива или имеет власть над всеми нами.

Она сняла с меня единственную хорошую рубашку, сшитую Лейлой, ещё в первый её спуск в подвал. Содрала, порвала на мелкие кусочки, оставив меня с голым торсом. Стало холодно, но уже спустя пять минут мне было плевать на холод – мне лишь хотелось выжить.

Удары плетью были похожи на выстрелы, на кипящее масло и расплавленный металл одновременно. Эта боль пронзала меня с каждым разом всё резче и ярче, и перед глазами у меня сыпались искры, отчего мне иногда казалось, что я слепну от этого яркого света и этой бескрайней тьмы. Но удары продолжали сыпаться. Десять. Двадцать. Тридцать. Они шли монотонно и бесконечно.

Однако меня больше пугали не сами удары, а то, как мать их наносит. В абсолютной тишине, без какой-либо злобы или мимолётного ощущения счастья. Меня пугало её равнодушие. Оно ведь даже хуже, чем что-либо ещё. Когда тебе всё равно на окружающих, ты становишься одиноким, странным человеком в их глазах. Люди считают тебя жестоким, строгим и бесстрастным. Именно такие мысли у меня были при каждой нашей встрече.

Я чувствовал, как больно сжался металлический обруч на моей шее и как текла холодная кровь по моей растерзанной спине. Звенели цепи, из моей глотки вырывался измощённый хрип, граничащий с бессильным плачем. В один момент мать решила развернуть меня и посмотреть мне прямо в глаза, посветив в лицо керосиновым фонарём. Увидев, как по моим щекам катились ненароком вытекшие слёзы, она презрительно фыркнула, распрямилась и крепче ухватила за плетёную. Замахнулась.

Боль пронзила моё лицо и в особенности левый глаз. Я почувствовал, как обжигала рана, идущая аккурат по моему пока ещё подростковому лицу. Из глаза текли то ли слёзы, то ли кровь.

Мать отошла на несколько шагов назад, ближе к выходу. Сначала смотрела куда-то вдаль, потом посмотрел мне в глаза и бесстрастно прошептала:

– Я думала, я вырастила сильного человека, а не тряпку. Я разочарована в тебе, Уильям.

И медленно поднялась по лестнице, хлопнула дверью, заперла на замок.

Возле лестницы она забыла керосиновый фонарь. И лишь он был моей путеводной звездой в этой жизни, потому что в тот момент, когда она ушла, единственное, на что мне хватало сил, так это только умереть, как крысе в застенках. И ведь всем будет плевать, где я и что со мной стало.

Я рухнул на холодный пол. Обруч больно сдавил горло, мешая дышать. Но мне было всё равно – я просто хотел умереть. И ведь почти умер.

Она выпустила меня спустя почти две недели. Ли по секрету шепнула, что мать поняла, что без меня хозяйство встало, а Филипп один не справится со всем, поэтому и выпустила. Кто знает, сколько бы она могла бы держать меня в подвале, если бы не это.

Я попросил сестру связать мне свитер с высоким воротом. Она посмотрела на мою шею и поняла, зачем мне это нужно. На глотке сияли чуть зажившие раны и потёртости от обруча, которые мне не хотелось никому показывать.

– Я сделаю мягкую подкладку на спину, – тихо сказала она, даже не смотря на мою спину, знала ведь, что там теперь было. Кровавый фарш. Кровь на спине теперь текла постоянно, и мне приходилось чаще обычного отдавать Лейле вещи на стирку. Она грустно смотрела на кровавые пятна и с горьким вздохом сожаления бросала очередную рубаху к остальным вещам в корзину. Затем шла на улицу, стирать всё это. Я помогал развешивать.

Братья мои делали вид, что ничего не произошло, хоть они и скучали. Стоило мне тихо войти в комнату ранним утром, когда ещё только солнце начинало свой обыкновенный восход, когда в это время обычно Джон отбирал у меня одеяло, потому что в комнате становилось слишком холодно, братья разом раскрыли глаза и бросились ко мне в объятия. Они не проронили ни слова – одни лишь слёзы.

– Может, полежим ещё пять минуточек? – улыбнулся Джон, приглашая меня лечь. Я не мог отказать ему и лёг рядом, не обращая внимания на жгущую боль в спине, делая вид, что у меня всё хорошо. Никто ведь и не спросит – все и так прекрасно понимали, где я и был и что случилось. Даже маленький Сэм, развитый не по годам мальчик, прекрасно осознавал, что происходило в этом доме и что лучше не попадаться матери на глаза.

Так мы и пролежали целых десять минут, крепко обнявшись. Джон мирно сопел у меня под боком, и я благодарил Бога за то, что он позволил мне вновь услышать дыхание самых близких людей. К следующей ночи мы сдвинули две наши кровати и легли вчетвером. Это было лучшее, что случалось в последние недели.

В одно весеннее утро, когда земля с восходом солнца уже начинала подсыхать и превращаться в твёрдый нарост на теле Ист-Пойнта, я вдруг осознал, что больше не хочу так жить. Шрамы на моей спине по прежнему болели, а свитер с высоким воротом всё так же исправно скрывал оставшиеся красноватые шрамы, которые, как я думал, никогда не заживут. Изредка кровоточащий глаз переставал нормально видеть, и я становился слеп на какое-то время. Для этого Лейла достала мне в Ньюпорте повязку на глаз, довольно неплохую. Но из-за этого я чувствовал себя калекой, уродом в семье. И в один момент мне захотелось поменять всё.

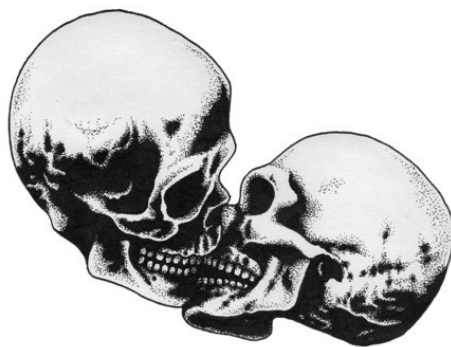
Нам нужна была помощь. Мне хотелось убежать в Ньюпорт, Вест-Пойнт, на побережье возле Стальной бухты лишь бы попросить кого-нибудь помочь нам, обыкновенным детям, справиться со всем этим адом, что тяжким грузом навалился на наши хрупкие плечи.

Как-то раз я оглянулся на огромную коросту старого дома. Дряхлый деревянный фасад, косячая черепичная крыша, общая серость и вязкое, липкое ощущение смерти вокруг. Только теперь я заметил в этом доме то, чего не видел, когда был внутри. Этот дом давно мёртв, и сквозь его окна не видно ничего, кроме бескрайней тьмы, медленно поглощающей каждого из нас.

Ржавые цепи на моей глотке наконец дали трещину, наконец я почувствовал, как близка была свобода от боли, ненависти, скрытой под маской равнодушия, жестокости и тьме вокруг.

Только вот я не знал, хватит ли у меня сил разорвать цепи, что сомкнулись уже очень давно. И хочет ли кто-то вообще избавляться от них.

Книги и письма о любви

Часть VII

С тех самых пор, как у матери кончился отпуск, в доме воцарилось странное молчание, больше похожее на затишье перед бурей. Все мы бродили по коридорам и комнатам, продолжали хлопотать по дому: убираться, готовить еду на ужин, убирать за свиньями в хлеву, собирать яйца у кур, подметать прошлогодние листья со двора – но на душе у меня лежал тяжёлый камень страха и ненависти. Теперь я действительно хотел, чтобы всё это кончилось, чтобы мать умерла как можно быстрее, даже если на это придётся потратить целые годы. Во мне кипела жажда отмщения, возмездия, которое, как мне казалось, она заслужила больше всех людей в Ист-Пойнте.

Пока её не было, я мог заниматься своими делами, не боясь, что кто-то меня вновь погонит на задний двор копать в грязи. Но вот что странно: заняться мне было-то и нечем. Только в тот момент я осознал, что ничем больше в этом доме и не интересовался, кроме уборки, фермы, кур и свиней. И чем теперь мне можно заняться, если у меня за всю жизнь не было момента, когда я мог расслабиться и заняться собой?

Я решил заглянуть в комнату Лейлы, думая, что у неё совершенно точно найдётся что-нибудь, чем можно занять себя. Она в тот день была на работе в прачечной и должна была вернуться лишь поздно ночью, когда все уже давно будут спать глубоким сном.

Со странным скрипом приоткрылась дверь, и моему взору открылось пространство её комнаты. Большой письменный стол, заваленный измятыми бумажками, исписанными ручками и карандашами. На одном из не смятых листов я заметил нарисованное сердце, но значения ему сначала не придал. Сквозь полумрак опущенных штор заметил, что на её кровати с полупрозрачным балдахином лежала какая-то книга. Наверное, это и было то, что я искал. Подумал, что чтение могло бы заполнить ту душевную пустоту, изредка взрываемую вспышками гнева на весь этот мир и на мать. Я аккуратно взял в руки потрёпанный том, посмотрел на обложку.

– Гордость и предубеждение... – прошептал я, даже не осознавая, как эти два слова могут быть связаны. Преодолевая желание всё бросить и уйти к себе в спальню, я раскрыл случайную страницу и увидел, как оттуда упал потрёпанный пожелтевший листок. Он аккуратно приземлился на пол, частично скрывшись под кровать. Я достал лист и понял, что это было письмо. Детское любопытство брало надо мной верх, хоть и голос разума твердил, что лезть в чужую личную жизнь у меня не было никакого права. Руки дрожали от напряжения, казалось, я даже слышал, как вернулась Лейла из Ньюпорта, как её ботинки с толстой подошвой стучали по скрипучим ступеням. Но на самом деле на лестнице было необычайно пусто, и я стоял среди её хаоса в полном одиночестве, освещённый лишь блёклым солнцем из единственного маленького окошка, выходящего в сторону моря, как и наша комната с братьями.

Я не мог больше терпеть, поэтому просто с громким шелестом раскрыл письмо, начал вчитываться в строки:

«Дорогая Лейла,

Знаю, как ты скучаешь и как тебе хочется быть поближе ко мне. Сколько раз я предлагал тебе переехать ко мне в Ньюпорт, но ты всё отнекивалась, говорила, что мать не позволит и ты не можешь оставить своих братьев, ибо они в тебе нуждаются. Я понимаю тебя, прекрасно понимаю, моя милая Лейла, и буду ждать, сколько потребуется, лишь забрать тебя с собой.

Скучаю по нашим вечерним прогулкам после твоей работы. Знаешь, наверное, это было лучшее время за последний год. Никогда бы не подумал, что могу встретить такую прекрасную девушку, как ты.

Я обязательно тебя заберу с собой в Бостон. Мои родители не против, твоих, я надеюсь, мы сможем уговорить. Если нет, то я просто тебя заберу и мы будем жить долго и счастливо. Найдём маленькую квартирку в Бостоне, ты найдёшь новую работу, я буду работать в таксопарке отца. Вот увидишь, наша жизнь будет в разы лучше, чем ты мне рассказываешь. Но я уверен, что твои братья – хорошие люди, и вижу, как ты их на самом деле ценишь. Хотелось бы и мне таких же отношений с моими братьями.

Летом мы с тобой обязательно уедем на пикник и на море. Я тебе обещаю. И клянусь, что совсем скоро твоя жизнь станет другой, куда лучше, чем сейчас.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.